

В главе 4 “Социолингвистические аспекты исследования польского языка старообрядцев” (с. 124–156) подробно анализируются уровни языковой компетенции у населения различных островных говоров. Здесь обнаруживаются большие различия между разными возрастными группами, а также различия, связанные с местом проживания (в городе или деревне), степенью образованности и т.д. Основные результаты исследования подводятся затем в небольшой по объему завершающей монографии главе 5 “Основные итоги” (Zakończenie, с. 157–160). В ней делается четкий вывод о том, что сфера функционирования русского старообрядческого говора в настоящее время является весьма ограниченной. Этому способствует распространение среди старообрядцев польского языка на востоке Польши, и немецкого языка — в ее западной части, в Мазурии. Однако религия, занимающая особое место в жизни данной общины, является важным связующим фактором и гарантом сохранения старообрядцев как отдельной социолингвистической группы.

Приложение к данной работе (с. 161–190) содержит объемные и очень важные по содержанию тексты, отражающие специфику повседневной жизни старообрядцев, записанные 1988–1993 гг., а также богатую библиографию. В качестве дополнения здесь следовало бы обратиться к работе А. Раммельмайера “Zur Herkunft und Sprache der Philipprolen in Ostpreußen” в книге *Ost und West*, Wiesbaden, 1966.

В общем, монография А. Зелиньской содержит большой объем новой информации о современном положении русских старообрядческих островных говоров в Польше, особенно о полилингвизме их носителей. Все выводы данного исследования являются тщательно обоснованными. Есть все основания считать эту монографию не просто полезной и информативной работой, но рассматривать ее как шаг вперед в области методологии изучения языковых контактов, поскольку А. Зелиньска впервые использовала в систематической форме все параметры, релевантные для социолингвистических исследований; в этом отношении ее работа может служить образцом для дальнейших исследований в этой области.

*Клаус Стайнке, Эрланген
(перевод с немецкого)*

Тамара Лёнигрэн. *Лексика русских старообрядческих говоров (на материале, собранном в Латгалии и на Житомирщине). (The lexicon of Russian Old Believers [based on material from Latgale and the Žitomir area].) With a summary in English.* Uppsala, 1994. 174 с., с тремя картами-схемами. (Acta Universitatis Upsaliensis. Studia Slavica Upsaliensia, 34.)

Т. Лёнигрэн (Зинченко) принадлежит к числу немногих диалектологов, продолжающих в настоящее время традицию исследований русских старообрядческих говоров с так называемой “псковской основой”, которые интенсивно проводились с конца 60-х до начала 80-х годов в Литве, Латвии и Эстонии, а потом не прекращались только в Польше. Вместе с тем монография Т. Лёнигрэн значительно отличается от предшествующих работ в этой области по своим целям и основным задачам, а также использованному материалу.

Новым в работе Т. Лёнигрэн является введение в научный оборот некоторых данных о русских старообрядческих говорах с “псковской основой” на Житомирщине (Украина). Она обследовала говоры со смешанным русско-украинским населением дд. Русские Пилипы, Пилиповка, Большие Кошарища, Человка и показала, что старообрядцы, проживающие в этих деревнях бок о бок с украинцами, принадлежат

к федосеевскому согласию, и приводит интересные тексты, характеризующие их религиозное самосознание (с. 39–46). Изучение литературы и непосредственное знакомство автора с некоторыми старообрядческими говорами Латгалии убедило автора в том, что те и другие принадлежат к одному типу и по “характеру диалектной основы”, и по своим основным характеристикам (с. 47–60).

Основную цель своей работы автор видит в том, чтобы “выявить особенности лексической системы русских говоров старообрядцев названных территорий как отражение системных отношений в диалектной лексике в условиях современного функционирования говора с учетом интра- и экстралингвистических фактов” (с. 16). Как видим, цель эта носит сугубо синхронный и довольно общий характер, так что сразу возникает вопрос — а почему для решения таких проблем избраны именно старообрядческие говоры? Иными словами, чем они лучше других (русских и не русских) говоров “для изучения системных отношений в лексике в условиях...” и т.д.? Кроме того, чем в принципе именно сопоставительное изучение двух географически удаленных, но генетически родственных говоров помогает решению этих проблем?

К чести автора нужно сказать, что она не задается такими вопросами и не пытается “играть в сопоставление” при анализе структуры отдельных семантических и тематических групп лексики, а также продуктивной в латгальском говоре словообразовательной модели с приставкой *до-* в соответствующих разделах, которые и составляют наиболее цельную и наиболее оригинальную часть ее работы (с. 67–138). В основных выводах соответствующих разделов (с. 138) — ни слова о сопоставительном изучении лексики вообще и полезности сопоставления для “познания разносторонних потенций языковой личности”. Вместе с тем ее наблюдения о том, что носители говора находят способы толкования в речи многозначных слов, явно заслуживают внимания и дальнейшего развития.

Сказанное выше призвано на конкретном примере продемонстрировать основную идею дальнейшего анализа работы, состоящую в том, что монографию Т. Лённгрен очень трудно рецензировать, поскольку она по содержанию не отличается внутренней цельностью, в ней много деклараций и “ходов в бок”, а также множество конкретных малообоснованных решений, анализ которых потребовал бы чуть ли не целой монографии; и в то же время в монографии имеется также немало очень верных и интересных наблюдений, свидетельствующих о начитанности, наблюдательности и остром уме ее автора.

Очень важным кажется то, что название рецензируемой работы в принципе не соответствует ее содержанию: по существу, перед нами не работа о лексике старообрядческих говоров, а конгломерат исследований и заметок по семантике диалектной лексики. Причем интересы автора далеко выходят за рамки исследований по диалектной семантике, она ставит и пытается решить гораздо более общие вопросы “с позиций интегральной концепции”, объясняющей механизмы “обработки естественного языка, построение модели его понимания и составляющие” и углубляющей представления “о скрытых механизмах языковых коммуникаций” (с. 117).

После прочтения работы остается устойчивое впечатление, что все сведения о старообрядцах и их говорах к ней просто *приложены*, но не составляют ее органической части. Не исключено, что с этим связано и немало небрежностей в изложении этих сведений, проявившееся в том, что многие факты излагаются как бы от себя, хотя очевидно, что почерпнуты они из специальных работ.

Реальная второстепенность историко-лингвистических данных для автора особенно ярко проявляется при анализе семантики целого ряда слов, известных в псковских говорах и в говорах старообрядцев-федосеевцев (с. 61–67). Ведь очевидно, что

без учета данных картотеки *Псковского областного словаря* (хранящейся в Санкт-Петербурге и Пскове) любые заключения о значениях тех или иных слов в псковских говорах являются либо неполными и неточными, либо вовсе неправильными. Между тем, Т. Лёнигрен при определении значений их не учитывает. Это означает, что на данном этапе развития науки ее наблюдения, даже не вникая в них, были устаревшими уже во время написания монографии.

При знакомстве с разделом “Изучение лексики ЧДС-Л и ЧДС-Ж в составе ЛТГ и ЛСГ” (с. 67; на русский язык это переводится приблизительно так: “Замечания о некоторых семантических и тематических группах лексики в говорах Латгалии и Житомирщины”) все время хочется спросить — интересуется ли автор вообще возможное содержание этих групп и степень полноты приводимого материала? Мне кажется, она оперирует только данными, попавшими в ее поле зрения — после изучения работ А. Синицы (без систематических ссылок на ее материалы) и собственных наблюдений. В заключение же предлагается считать, что перечисление приведенных лексем убеждает нас в том, “что эта лексика имеет много общего с материнскими псковскими говорами, а также ряд специфических черт, которые развились в условиях изолированных переселенческих говоров” (с. 79). Между тем весь материал излагался для того, “чтобы получить хорошее представление о составе лексики исследуемых говоров” (с. 67). Как говорится, тут есть о чем задуматься.

Раздел 6 рецензируемой работы называется “Глагольная лексика. Общая характеристика” (с. 82). Далее следует подзаголовок “6.1. Состав глагольной лексики ЧДС-Л и ЧДС-Ж”, т.е. “Состав глагольной лексики сравниваемых говоров”. Кажется, вот здесь-то и начало настоящего исследования. Однако раздел 6.1. заканчивается на с. 86 после примеров, имеющих только иллюстративное значение. Иначе говоря, никакой состав глагольной лексики никаких говоров практически не описывается. И заканчивается раздел 6 маленькой главкой “Типология глагольной лексики изучаемых ЧДС” (т.е. говоров), которая никак не связана с предшествующей ей главкой 6.1. В общем же, создается впечатление, что перед нами не текст монографии, а отрывочные заготовки к будущим работам.

Глава 7 монографии называется “Глаголы с префиксом *до-*. Общая характеристика”. Под понятным заглавием здесь излагаются результаты и диалектологических наблюдений автора, и ее своеобразного социолингвистического эксперимента, проведенного в Даугавпилсе (с. 92–94), и довольно обстоятельный анализ семантики глаголов с указанной приставкой (с. 94–118). При этом совершенно очевидно, что для анализа никакого значения не имеет ни факт оперирования именно диалектным материалом, ни то, что говор этот старообрядческий, что у него есть “псковская основа”, и не так уж важно, что все это должно изучаться в сопоставлении с русским говором на Житомирщине. Более того, не имеет особого значения совершенно очевидная неполнота исследуемого материала (см. “Схема 1. Семантика большинства (именно так! — В.Ч.) глаголов с префиксом *до-*”, с. 95), в котором отсутствуют ряд общераспространенных приставочных глаголов типа (в литературном написании) *добавить, добыть* и под., без которых анализ семантики всего множества образований только затрудняется. Для автора важно только то, что в русском говоре Латгалии (ЧДС-Л) 1. “таких глаголов оказалось довольно много (более 80); 2. глаголы с префиксом *до-* (*да-*) не были предметом специального изучения на диалектном материале” (с. 89).

Между тем, принципиальная возможность свести почти все линии, намеченные автором монографии, было вполне возможно даже этом материале. Достаточно было, например, поинтересоваться глаголами с приставкой *до-* в картотеке *Псковского*

областного словаря (9-ый том которого, содержащий слова ДЕЖА-ДРОВЯШКИ, был опубликован в том же году, что и монография; значит, материалы псковских говоров были даже систематизированы во время подготовки монографии), проверить этот список в русских говорах Латгалии и дополнить его местным материалом; проделать ту же самую работу на Житомирщине — и, скорее всего, Т. Лёнигрен стала бы обладательницей уникального материала, на основании которого можно было сделать интересные выводы о взаимоотношениях “материнских” и “островных” говоров, изучаемых ею.

На фоне всей работы наиболее удачными кажутся вводные и обзорные разделы, посвященные истории расселения старообрядцев в Прибалтике и их переселения на Житомирщину (с. 32–42) и “Общая характеристика изучаемых говоров” (47–60). В первом из них важным является подчеркивание роли именно старообрядцев-федосеевцев в консолидации вообще всех русских переселенцев в Прибалтике (на основании анализа известной работы А. Завариной, с. 36) и публикация оригинальных материалов по устной исторической традиции старообрядцев Житомирщины (с. 39–46). Во втором разделе существенным является то, что автор уточнила данные Е.И. Самохваловой, указав, что на Житомирщине формы на *-фшы* возможны и от непереходных глаголов (с. 59), что в этих говорах известны несогласованные пассивные конструкции с формами на *-н-*, *-т-* (там же). При описании фонетических особенностей обоих говоров Т. Лёнигрен допустила, однако, несколько неточностей (объясняя, например, произношение типа *кѣжсѣх*, *кѣрѣва*, *дѣрѣна*, *кѣлѣз’ник* белорусским влиянием и ссылаясь при этом на карту 1 *Диалектологического атласа белорусского языка*, посвященную типам *диссимилятивного аканья* и нек. др.). Кроме того, не совсем корректным является прямое сопоставление особенностей обследованных ею говоров с говорами метрополии без обращения к работам предшествующих исследователей (например, к данным о тех же говорах в Латгалии М. Новгородова и о соседних говорах Литвы, собранных О. Шулене, тем более, что работы этих авторов указаны в списке использованной литературы).

В заключение мне хотелось бы подчеркнуть, что, хотя мне импонируют занятия Т. Лёнигрен полевыми исследованиями, ее интерес к старообрядческому говору, ее начитанность во многих областях современного языкознания и истории старообрядчества, а также ее наблюдательность, я не могу считать ее работу продуманной, завершённой и, в общем, удачной. Создается впечатление, что энергичный, знающий и владеющий материалом исследователь поставил перед собой слишком много задач одновременно, что обусловило своеобразный срыв, проявившийся в том, что не выявился “основной герой” исследования, и оно как бы рассыпалось на отдельные фрагменты, каждый из которых оказался незавершённым.

Оценить общий корпус использованных в работе данных затрудняет отсутствие в ней индекса диалектных слов; мне кажется, что к этому ее обязывало и заглавие книги, и сам факт издания ее в престижной серии.

Впечатляющим в монографии Т. Лёнигрен является список использованной литературы, в который включено абсолютное большинство работ по старообрядческим говорам Прибалтики и Польши, а также основные работы по старообрядческим говорам Украины и Беларуси. При рассмотрении истории формирования этих говоров, кажется, нужно было обратить внимание на сообщение так наз. *Дегуцкого летописца* под 7263 г. о том, что “В сем 1755-м году богоспасаемая обитель в Гудишках (которая находилась на северо-востоке современной Литвы — В.Ч.) уничтожена и переведена в Черниговскую губернию и устроена на грунту (земле, территории — В.Ч.) Злынского посада Федулom Дмитричем с братиею, что ныне зовется

Покровско-норская обитель, в лето 7264". Поселение Злынка находится на территории так наз. Стародубских слобод. Не исключено, что старообрядцы-федосеевцы соседней Житомирщины, говоры которых дообследовала Т. Лёнгренн, и являются потомками переселенцев, покинувших Литву в середине XVIII в.

*Валерий Чекмонас,
Вильнюс*

Aleksander Naumow. *Wiara i historia. Z dziejów literatury cerkiewnosłowiańskiej na ziemiach polsko-litewskich.* Kraków, 1996. 215 s. (Krakowsko-Wileńskie studia slawistyczne: Seria poświęcona starożytnościom słowiańskim, t. 1.) ISBN 83-903732-2-X.

Книгата на проф. Александър Наумов успешно продължава неговия последователен интерес към средновековната литература на православното славянство. Върху основата на новриздирени материали от ръкописните и старопечатните сборки в Полша и Литва той си поставя задачата да обозре процесите в църковнославянската култура на Великото княжество Литовско и Кралство Полша, които се обединяват в Реч Посполита през 1569 г. Трудът излиза от печат, когато се навършват 400 години от Брестката уния, предопределила дълготрайното противоборство между католицизма и православие в едно обширно пространство от Балтика до Черно море.

В първия раздел се проследява накратко съдбата на православната култура в полските и литовските земи от апостолската дейност на славянските първоучители — светите братя Кирил и Методий (IX–X век) до днешното състояние на полската автокефална православна църква. Когато през XIV–XV век Москва се налага като обединителен център на руските княжества, особено значение придобива въпросът за духовното наследство на Киевска Русия. За него претендира и великият княз Александър Нитовт, който настоява за отделна киевско-литовска православна митрополия, чийто първи светелит през 1415 г. става българинът Григорий Цамблак. По времето на Реформацията и Контрареформацията светските европейски владетели активно са въввлечени в конфесионални конфронтации, които са в основата на продължителни и кръвопролитни войни. В такава обстановка се изгражда и московското самодържавно православие, което за Ал. Наумов е една от причините за кризата в несамодържавния модел на православие от Реч Посполита. Несъмнено е обаче, че тази криза се усложнява изключително от начина, по който се налагат решенията от Бресткия събор. Вместо да бъде интегрирана, православната култура бива разкъсана на две враждувачи направления — едното подкрепя Унията, а другото — решително е против нея.

Вторият раздел е посветен на южнославянския субстрат в литургическите ръкописи на кирилица от епохата на Реч Посполита, съхранени в полските и литовските книгохранилища. Така поставената конкретна тематична задача е необходима предпоставка към изясняване на цялостната история на църковнославянската писменост във Великото княжество Литовско и Кралство Полша, която се надяваме да бъде написана от Ал. Наумов. С признателност следва да отбележим неговата досегашна издирвателска и организаторска работа — тя дава на славистиката редица археографски находки, които осветляват ролята на старобългарската и старосръбската литература в духовното възможване на източните и западните славяни.

Като епиграф на раздела е сложена молитвата на базилианския свещеник Никодим Козицки, която е предверие към преписания от него *Намоканон* (1634 г.). Всъщност, както открива Ал. Наумов, можем да говорим за един от многото приме-